

НАУКООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ СУЩНОСТНОЙ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Анализируется наукообразующая роль сущностной научно-познавательной идеологии, ее системообразующие идеи, задававшие основные параметры концептуализации научно-криминалистического знания.

Ключевые слова: криминалистика; научно-познавательные идеи; сущностная идеология; предметно-познавательное пространство.

История становления сущностной, научно-познавательной идеологии в советской криминалистике свидетельствует о том, что, несмотря на все усилия «не замечать» труды досоветских криминалистов, советская криминалистика не только в полном объеме заимствовала узловые идеи предшественников, но и продолжила их активное освоение. Идеи, составляя базис любой науки, неотчуждаемы. Идеи непосредственно вплетены в ткань науки. Нет никакой возможности начинать движение в науке с чистого листа, без идей. Есть лишь одна возможность – продолжать совершенствовать и развивать то, что было сделано предшественниками. Предпосылочные, идейно-познавательные начала столь же значимы для дальнейшего движения науки, как и предпосылочное знание [1. С. 47–54].

В ракурсе идеи целесообразности сущностная, научно-познавательная идеология, сформированная предшественниками и заимствованная советской криминалистикой, представлена тремя узловыми идеями: идея заимствования методов и знаний, идея приспособления заимствуемого к нуждам расследования, идея практической полезности и прямого применения научно-криминалистических знаний в расследовании преступлений.

Чтобы говорить о данных идеях как об исходных началах научно-познавательной идеологии, их необходимо брать как целое с тем, чтобы осознать их специфическую роль в становлении научно-криминалистического знания. Это значит, что названные идеи, с объективно-логической и содержательной сторон, подкрепляют друг друга, они связаны друг с другом многочисленными объективными и субъективными связями. Не все из них занимают в научно-познавательной идеологии равное по своей значимости место, но даже самые существенные из них теряют свою актуальность и смысл вне связи друг с другом, вне связи с целесообразностью, предельно широко распространившейся в новом социально-историческом пространстве.

Целесообразность в криминалистике задавала параметры мыследеятельности не только у досоветских криминалистов, но и у преемников. Но у советских криминалистов ей был придан уже иной масштаб, иная содержательность и глубина встроенности в научно-познавательную деятельность. В мировоззренческом плане ее официальной научно-мировоззренческой идеологией и, соответственно, наукообразующим началом служило объективистско-материалистическое миропонимание, или, что то же самое, целесообразное, классово-партийное отношение к действительности.

Целесообразность, в указанном смысле, задавала объем взглядов и представлений об участии кримина-

листики в переустройстве и организации социальной жизни на новых, социалистических началах, она служила средством анализа и оценки, генерации и задействия результатов властеотношений, значимых для становления научно-познавательной идеологии, ключом к пониманию существа социокультурных особенностей времени, мировоззренческой культуры мышления в лице ее «авторитетов», профессионализма следователей. Целесообразность как преобладающее отношение в социуме к действительности является ключом к пониманию предельной актуализации целесообразности и в криминалистике, ее определяющей роли в консолидации научно-познавательной идеологии. Возникнув под влиянием текущей практики социалистического строительства, целесообразность в научно-познавательной деятельности выступает как исходный пункт и условие последующих исследований.

Вместе с исходными идеями в советскую криминалистику была в полном объеме привнесена и синкретическая идеология, в которой весомое место отводилось целесообразному подходу. По мысли досоветских криминалистов, целесообразно все, что так или иначе, прямо либо косвенно «работает» на задачу по борьбе с преступностью, на задачу по расследованию преступлений, на задачу организации расследования. Целесообразны все знания и методы, оптимизирующие поиск и надежность фиксации следов преступления, установление лица совершившего преступление. Таков тотальный целесообразный смысл, оправдывавший научно-познавательную и практическую полезность синкретической идеологии в советской криминалистике. Конструктивность синкретической идеологии многогранна.

В досоветский период синкретическая идеология, упорядочиваемая представлениями о целесообразности, придавала мышлению и научным исканиям, практическим криминалистическим рекомендациям осмысленность и заданность, предусмотренность и целенаправленность, последовательность и рациональную подконтрольность в отношении как отдельных действий следователя, так и проводимых им систем следственных действий и назначаемых экспертных исследований, рациональную воспроизводимость установленного и рекомендуемого криминалистикой для действий в тождественно-подобной ситуации, запланированность самого процесса расследования и взаимодействие с заинтересованными сторонами и службами, гарантированность результатов при соблюдении криминалистических рекомендаций в противовес случайному и непреднамеренному. Формируя и закрепляя на практике знание «как», повышала профессионализм и стимулировала развитие практического, чувственно-направленного мышления. Синкретическая идеология,

в противоположность несистематичным исканиям методом проб и ошибок, впервые в истории уголовного судопроизводства ставила процесс расследования на научно-методический уровень.

Синкретическая идеология и синкретическое мышление, выведившие научно-познавательную мысль на поиск единообразного в действиях следователя, инспирировали разработку и описание действий следователя в виде программ, схем, показывая тем самым определенные черты постоянства в расследовании, подчеркивая значимость непрерывности в познаваемом, необходимости следования этой заданности при планировании расследования, при проведении следственных действий, при назначении экспертных исследований, в решении иных следственных задач.

Синкретическая идеология служила способом генерации и конституирования научно-криминалистического знания. Хотя и пунктиром, но уже были не только намечены, но логически и содержательно согласованы основополагающие идеи, значимые для выработки и конституирования научно-криминалистического знания, обеспечения процесса расследования и реконструкции преступного события криминалистическими средствами.

Таким образом, речь идет об оптимальной, для становящейся советской криминалистики, научно-познавательной идеологии, оправдывавшей и способной преумножить самостоятельное значение криминалистики и научно-криминалистических знаний в новых, изменившихся условиях. Она обеспечивала достаточно объемный контакт с реальностью, поскольку, во-первых, напрямую замыкалась на потребности и нужды следственной практики и, во-вторых, показывала значимость заимствования и активного приспособления заимствованных знаний для укрепления самой науки и для нужд следственной практики.

Научно-познавательная синкретическая идеология, ее предрасположенность к гибкому, оперативному и адекватному потребностям следственной практики реагированию и адаптации к реальности с ее впечатляющими результатами служила одной из самых привлекательных сторон для криминалистов советского периода.

И.Н. Якимов, подчеркивая роль криминалистики в борьбе с преступностью, имел ввиду не только ее возможности по разрешению текущих задач по расследованию преступлений, но и то, как она зарекомендовала себя в досоветский период. Выражая свою оценку, он писал: «Успехи криминалистики и рекомендуемых ею научных методов расследования преступлений уже огромны и самым наглядным образом отражаются на достижениях в области изучения современного преступника и способов совершения преступлений» [2. С. 5].

Этот успех был достигнут благодаря именно синкретической идеологии. Она вывела мысль на уровень преодоления отношения к расследованию преступлений как к незатейливому ремеслу, неизмеримо подняла в уголовном судопроизводстве понимание значимости научно-криминалистических знаний. Опять же сошлемся на мнение И.Н. Якимова, который, опираясь на научно-познавательный и практический опыт применения научно-криминалистических знаний предшественниками, отмечал, что необходимость постановки

расследования на научную основу во многом определяется тем, что «Современные преступники изучают и пользуются для осуществления своих преступных целей последними научными открытиями и изобретениями в области технических и естественных наук и в нужных случаях прибегают к ним, обнаруживая подчас солидное их знание и мастерство. Вследствие этого при раскрытии преступлений не только затрудняется и осложняется деятельность органов дознания и следствия необходимостью изучения примененных преступниками способов и средств при совершении преступления, но и возникает для них необходимость выработать свои способы и приемы раскрытия преступлений, стоящие на высоте науки и ее последних достижений» [3. С. 4].

Синкретическая идеология содержала готовые, уже апробированные научно-познавательным опытом и следственной практикой, систематизированные, идейно консолидированные научные направления, показывала доступные способы получения научно-криминалистического знания и его утверждения в следственной практике. Синкретическая идеология служила надежной, заслуживающей доверие основой.

Синкретическая идеология, при всей ее исходной незамысловатости, есть показатель эффективности, достигаемой за счет мировоззренческой гибкости. Воплощающая в себе научно-познавательный и практический опыт поколений, она служила олицетворением преемственности и непрерывности течения научного познания, последовательного перехода из одного, хаотично-событийного, состояния в качественно другое, системно обособленное, подготовленное для дискурсивной обработки, перехода от поверхностной, обыденно-жизельской сущности к научно упорядоченной. Как интеллектуальный инвариант, противостоящий рутинной банальности, она значима своей наукообразующей ролью, ценна идеями, задавшими движению к познанию ритм научности.

Молчаливо заимствованная советскими криминалистами, синкретическая, научно-познавательная идеология оказалась вполне пригодной для дальнейшего служения в качестве научно-познавательной идеологии в новых социально-исторических условиях. Ее научно-идеологический потенциал был вполне еще достаточен для сопровождения и придания целенаправленной идейной консолидации научно-познавательной деятельности и научно-криминалистическим знаниям, для продолжения выработки и приращения научно-криминалистических знаний.

Вместе с тем само историческое время поставило криминалистов перед вопросом «с чего начать становление советской криминалистики?».

В теории познания существуют различные мнения о том, с чего начинается наука. С позиций одних исследователей «...наука начинается с проблем и затем продолжает развиваться от них к конкурирующим теориям, которые оцениваются критически» [4. С. 485].

По мнению других, наука, как и жизненный опыт, начинается с вопросов «которые действительно “витают” и смысл которых определяется их мотивацией» [5. С. 443].

Отечественные исследователи гносеологических проблем становления знания, в частности В.А. Канке, полагают, что «наука начинается с разрешения определенной ситуации, когда ощущается острая потребность в

новой информации. Эту ситуацию можно называть как проблемной, так и вопрос-ответной» [6. С. 175].

Именно с вопрос-ответной формы и начался процесс становления советской криминалистики. Необходимость в новой информации в уголовном судопроизводстве, в расследовании преступлений, особенно остро проявилась сразу же после 1917 г. В предельно широком социально-историческом и научно-познавательном контексте это было началом эпохи новой для науки научно-познавательной идеологии, началом эпохи проблем и вопросов. Вопросание стало способом мышления и символом времени.

Радикальное изменение властью мировоззренческой парадигмы, культурная революция, изменение самой идеологии права и законодательства в области уголовного судопроизводства и предварительного расследования преступлений инспирировали массу проблемных вопросов научно-познавательного и сугубо практического характера. Советская криминалистика, еще не имевшая к этому времени собственной альтернативной научной идеологии, научно-познавательного опыта организации научно-познавательной деятельности в новых условиях, сфокусировалась на идеях заимствования, приспособления и практической полезности знания, носителем которых была синкретическая идеология.

Б.М. Шавер, косвенно оправдывая данную научно-идеологическую ориентацию советской криминалистики, писал, что Ганс Гросс «не ограничился изучением вопроса об овладении искусством проведения следственных действий и отысканием способа наиболее удачного сочетания их, а серьезно занялся и сумел показать громадное значение научного приспособления данных других наук для расследования преступлений и тем самым создал науку криминалистику» [7. С. 68].

Этой оценкой Б.М. Шавер, по существу, подтвердил полезность и необходимость продолжения курса на развитие идей, предложенных Г. Гроссом.

Таким образом, в социально-историческом и научно-познавательном контексте выбор вопрос-ответной формы не случаен. Интеллектуально он был подготовлен как предшествующим научно-познавательным опытом, так и наличной социально-исторической ситуацией.

Обращение криминалистов к вопрос-ответной форме существенно. Научно-познавательная деятельность в подобной форме представляет собой многогранное объединение порядка идей и порядка «вещей», порядка связи и порядка изменения, порядка объяснения и порядка применения. Криминалистика подошла к черте, когда значимым становится не только взгляд на практически значимую действительность, но и совершенно необходимой становится проекция действительности аутентичная природе криминалистики. Перед лицом такой двойственности особенно актуальной становится проблема выбора адекватных критериев, необходимых для разведения задействуемого материала. Таким общим обосновывающим основанием служили «вопросы». Будучи приняты за исходное начало, они на долгие времена определяли существо научных исканий.

Вопросы по существу заменяли собой столь необходимую для эмпирического уровня научного познания теорию. Но если учесть, что в криминалистике к этому времени отсутствовала приемлемая категориально-

гносеологическая модель, дававшая бы возможность научно-рационально обрабатывать научный и практический материал, задействование вопрос-ответной формы было бы, хотя и не оригинальным, но в целом удачным интеллектуальным решением.

Первые шаги, предпринятые криминалистами, были направлены на кардинальное разведение уголовно-процессуальной науки и криминалистики. Так, показывая в чем состоит отличие криминалистики от уголовного процесса, криминалисты писали: «Наука уголовного процесса, освещающая общие юридические принципы расследования преступлений, не может предусмотреть многих тактических и технических вопросов, возникающих в каждом конкретном случае реализации требований уголовно-процессуального права: если бы она занималась такими вопросами, ее основные положения оказались бы затухающими. Вопросы техники и тактики расследования преступлений составляют компетенцию криминалистики. ...Закон, в частности процессуальный, разрешить многих технических вопросов, возникающих при его применении, полностью не может» [8. С. 3, 12].

С этого времени вопрос-ответный научно-познавательный подход начал свое движение в криминалистике.

Вопрос-ответный подход как своеобразный способ мышления, механизм отыскания пробелов и противоречий, примечателен в научно-познавательном плане тем, что на его основе формировались и укреплялись такие ключевые для криминалистики направления, как усиление самостоятельного значения научно-криминалистических знаний и формирование у следователей профессионального сознания и мышления. Последовательно охарактеризуем данные направления.

Стремление к усилению самостоятельного значения научно-криминалистических знаний в системе наук по борьбе с преступностью, в сфере деятельности по расследованию преступлений продолжало оставаться, как и у предшественников, предметом особого интеллектуального внимания. Как следует из анализа криминалистической литературы, ключевую роль в квалификации и классификации криминалистически значимого материала занимала содержательная разнородность вопросов. Этот признак служил достаточным основанием для обособления и усиления самостоятельного значения криминалистики и научно-криминалистического знания, развертывания научно-познавательной деятельности. Разнородность вопросов – феномен комплексный, он складывался и протекал на фоне наличия объективных и субъективных причин. С объективной стороны разнородность содержала столько истинного, сколько это соответствовало природе познаваемого. Субъективная значимость как осознаваемая истина сопрягалась с отсеком альтернатив, сопровождалась преднамеренностью, избирательностью. В плане истинности и понятности (как понимание глубины привлекаемых знаний и закладываемых тенденций) амплитуда мнений резко контрастировала. Движение шло от простого к сложному, от взаимодействия рядоположенных предметов к утверждению их взаимосвязи.

Первично движение к укреплению самостоятельного значения криминалистики осуществлялось, как это было и у предшественников, за счет заимствования,

ведущего к простому расширению предметно-познавательной области криминалистики.

Так, в частности, авторы первого учебника криминалистики, как и их предшественник С.Н. Трегубов, полагали, что в раздел «уголовная техника» «должна была бы войти, строго говоря, и судебная медицина, но ввиду исключительно большого объема этой отрасли знаний и ряда специфических особенностей она выделяется в самостоятельную дисциплину» [2. С. 7].

Но, пожалуй, не столько большой объем удержал криминалистов от включения судебной медицины в предметно-познавательное пространство криминалистики, сколько очевидная специфика, очевидная содержательная разнородность познаваемых и решаемых данной отраслью знания вопросов.

Вопрос-ответный подход позволял включать в научно-познавательное пространство криминалистики любой вопрос. Любой вопрос мог стать актуальным. Для этого достаточно было внешнего сходства, внешней однородности явлений и хотя бы формальной взаимосвязи.

Так, в частности, уже в 1920-х гг. криминалистами был инициировано внимание к оперативно-розыскной деятельности. Р.С. Белкин отмечал: «Процесс становления теории оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной области научного знания во многом сходен с историей криминалистики. Подобно тому как криминалистика возникла в недрах уголовно-процессуальной науки, теория оперативно-розыскной деятельности зародилась в недрах криминалистики» [9. С. 130].

Эта особенность происхождения и неизбежно возникающей в данной ситуации взаимосвязи, оцениваемой в координатах идей заимствования, приспособления и практической полезности послужила основанием для включения оперативно-розыскной деятельности в предмет науки криминалистики.

И.Н. Якимов, наряду с В.И. Громовым и М.Е. Евгеньевым инициировавший этот вопрос, обосновывая свою точку зрения, писал о приоритетном значении розыска при расследовании преступлений, отмечая при этом, что розыском «начинается серия активных действий, имеющих задачей раскрытие преступления. Оно по времени ближе к моменту обнаружения преступления, ведется по горячим следам и имеет своей задачей выяснение всех элементов преступления – преступника, блага, на которое он посягнул, и его деятельности, выражающей собой это посягательство. Преследование и задержание преступника и розыск добытого им путем

преступления производится по правилам и методам уголовной тактики. Для производства розыскных действий, из которых большинство является одновременно и следственными действиями, каждый следственный и розыскной работник должен быть хорошо знаком с уголовной тактикой» [10. С. 7–8].

В данной научно-познавательной ситуации мысль, подчиняясь естественным связям, развивается по натуральным имманентным законам, конституирующим канву познаваемости реальных вещей и процессов. Идея практической полезности, нацеливая мышление на внешнюю предметность, ограничивает познаваемое лишь перечнем тех вопросов и ответов, которые в своей совокупности совпадают с практической полезностью. Неизбежно проявляемая в этом акте избирательность оправдывается представлениями о целесообразности. Внешние, сугубо формальные связи, внешнее сходство оперативно-розыскных и следственных действий, неизбежно возникающие между ними пересечения, оцениваемые с позиций целесообразности, были приняты за однородные явления, достаточные для того, чтобы включить их в область предметного интереса криминалистики. В этом познавательном акте внешнее отождествляется с внутренним. Важнейшим признаком, оправдывающим сложение внешнего и внутреннего, является факт взаимодействия, толкуемого под углом зрения осуществимых возможностей, вовлечения его в реальное взаимодействие.

Внешнее, чувственно воспринимаемое, не отражает и не может отразить всей объемности внутреннего содержания, скрытого от непосредственного видения. Внешнее было принято за сущее. Отождествление предметов следственной и оперативно-розыскной деятельности – это ошибка сущностного характера. Она есть следствие того, что синкретическая идеология, преемницей которой стала советская криминалистика, выводила мысль лишь на поверхностный уровень анализа и оценок. Забвение роли предпосылочных идей в становлении научного знания как источника противоречий инспирировало в дальнейшем продолжительную дискуссию о месте теории оперативно-розыскной деятельности, о ее взаимосвязи с криминалистикой, с научно-криминалистическими знаниями. Однако действительный источник противоречий остался вне поля зрения криминалистов.

Не вдаваясь в детали, отметим, что в целом аналогично решались вопросы о включении в предмет науки криминалистики таких направлений, как предупреждение и профилактика преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривошеин И.Т. Идеино-мировоззренческие истоки криминалистической методики (предысторический этап) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283.
2. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
3. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. Кн. 1.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод. Опыт философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
6. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000.
7. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. 1938. № 6.
8. Криминалистика. М., 1938.
9. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
10. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2009 г.